

Луи Буссенар

Ледяной ад

Жан Грандье

Луи Буссенар

Ледяной ад

«Public Domain»

1900

Буссенар Л. А.

Ледяной ад / Л. А. Буссенар — «Public Domain», 1900 — (Жан Грандьё)

«Первые апрельские ласточки с веселыми криками преследуют друг друга и, как безумные, кружатся в лазури неба, где сияет великолепное весеннее солнце. Раскрываются первые почки, разворачиваются цветочные венчики, и в прохладном воздухе носится тонкий и нежный аромат весны... Хорошо жить на свете! Да, хорошо жить в двух шагах от великолепного Сен-Жерменского леса, в цветущих виллах, окаймляющих дорогу из Мезон-Лафита к древней королевской дубраве. Несколько парижан, тосковавших по деревне и считавших за счастье укрыться от сутолоки большого города, наслаждались этим поэтическим пробуждением природы. В числе их была семья Грандьё, уже две недели как поселившаяся на вилле Кармен. На календаре было 25 апреля, 8 часов утра...»

© Буссенар Л. А., 1900

© Public Domain, 1900

Содержание

Часть I. Преступление в Мезон-Лафите	6
Глава I	6
Глава II	11
Глава III	14
Глава IV	18
Глава V	22
Глава VI	27
Глава VII	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Луи Буссенар

Ледяной ад

Текст создан по изданию: Буссенар Л. Полное собрание романов Луи Буссенара. – Спб.: Кн. Изд. П. П. Сойкина, 1911 г. – с исправлениями в соответствии с нормами современного русского языка.

* * *

Часть I. Преступление в Мезон-Лафите

Глава I

Ужасный контраст. – Таинственное письмо. – Шантаж. – 50 тысяч франков или смерть. – Полицейский агент. – Княгиня ожидает. – Потерянная нить. – Дьявольская ловкость. – Лошадь без всадника. – Последняя угроза. – Зарезанный человек. – Красная звезда. – Самоубийство.

Первые апрельские ласточки с веселыми криками преследуют друг друга и, как безумные, кружатся в лазури неба, где сияет великолепное весеннее солнце. Раскрываются первые почки, развертываются цветочные венчики, и в прохладном воздухе носится тонкий и нежный аромат весны... Хорошо жить на свете!

Да, хорошо жить в двух шагах от великолепного Сен-Жерменского леса, в цветущих виллах, окаймляющих дорогу из Мезон-Лафита к древней королевской дубраве.

Несколько парижан, тосковавших по деревне и считавших за счастье укрыться от суеты большого города, наслаждались этим поэтическим пробуждением природы. В числе их была семья Грандьё, уже две недели как поселившаяся на вилле Кармен.

На календаре было 25 апреля, 8 часов утра.

Глава семьи, высокий и красивый мужчина, лет сорока пяти, с непокрытой головой, потным лбом и багровыми щеками, нервно шагал по большой конторе, из окон которой были видны рощицы, лужайки и аллеи хорошо расчищенного английского сада. На маленьком столике стояла нетронутая чашка с чаем. Забыв о ней, хозяин дома тяжело вздыхал, произносил бессвязные слова, стискивал зубы и ломал руки. Видно было, что у него страшное горе.

Между тем в дверь постучали.

– Войдите!

Вошел слуга с подносом, на котором грудой лежали журналы, письма и газеты, и произнес:

– Почта барину!

– Хорошо, благодарю, Жермен!

Едва слуга успел выйти, как господин его наклонился над подносом, порывшись в корреспонденции и нашел крепкий квадратный конверт из толстой бумаги желтоватого цвета, на котором вместо печати была красная звезда с пятью лучами. При виде его он испустил глухой стон, побледнел еще больше и с дрожью в руках, в ужасе пробормотал прерывающимся голосом:

– Красная звезда!.. Ах! Я погиб... это седьмое... последнее!..

Трепетавшие пальцы разорвали конверт, и оттуда выпало письмо, также с красной звездой. После минутного убийственного молчания он произнес глухим голосом:

– Денег!.. Они хотят денег... огромную сумму... а я разорен... не имею кредита... эта роскошь только показная... Но они не хотят верить... и грозят умертвить моих детей!.. дорогих, любимых, которых так долго охраняла моя любовь. Да, они убьют всех... они перережут всех... если я не дам денег... И сегодня последний срок!.. Но денег у меня нет... и попытки мои... вернуть их... убили мой кредит... ускорили мое разорение... Вот!.. Я был добр... честен... доверчив... Ах!.. Теперь я расплачиваюсь за это.

Между тем, в то время как господин этот предавался наедине своему горю, из соседней комнаты через открытое окно ворвалось несколько фортепьянных аккордов. В саду, в кустах, малиновки, зяблики и соловьи заводили свои трели. Бабочки упивались нектаром первых цветов. И очарование, разлитое в природе, составляло такой резкий контраст с отчаянием этого

человека, что несчастный не мог удержаться от рыданий. Вскоре, однако, устыдившись своей слабости, он протяжно вздохнул и сказал вполголоса:

– Надо с этим покончить! – и порывисто нажал кнопку электрического звонка.

Тотчас же явился слуга.

– Там есть кто-нибудь? – спросил господин Грандье.

– Да, какой-то человек дожидается уже добрую четверть часа!

– Введите его немедленно!

Вошел незнакомец, еще молодой, среднего роста, с живым, пронизательным взглядом и просто одетый. Лицо его свидетельствовало об уме и решительности.

– Это вы – агент, присланный полицейской префектурой? – спросил господин Грандье после короткого поклона.

– Да, сударь!

– Как поздно вы явились!.. Если бы вы знали, с каким нетерпением я ждал вас!

– Я был в отлучке и немедленно по получении депеши отправился к вам, даже не заходя домой.

– Вы меня спасете?

– Постараюсь сделать все, что возможно. Предупреждаю, однако, что я буду состоять при вас в качестве официального лица... чтобы содействовать Версальскому суду... так как мы уже не в департаменте Сены!

– Справитесь ли вы?

– Вы увидите это на деле; на всякий случай я приглашу еще двух товарищей. Но прежде познакомьте меня с сутью дела!

– Читайте это письмо: оно объяснит вам все!

Агент взял письмо, пощупал бумагу, взгляделся в почерк и прочел вполголоса:

«Милостивый государь!

Пишу вам в седьмой и последний раз. В седьмой и последний раз повторяю вам: вы богаты, а мне нужны деньги. Направляю на вас это письмо, как пистолет, и говорю: кошелек или жизнь!.. Пятьдесят тысяч франков или я убью вас, утерпев предварительно по одному всех членов вашей семьи.

Мне нужны эти пятьдесят тысяч франков, чтобы сделать карьеру в Клондайке, этой золотой стране, где энергичные люди становятся миллионерами в несколько недель. И вы дадите их мне сегодня же!

Я предложил вам неделю, чтобы реализовать эту сумму, и такого срока в вашем положении совершенно достаточно.

Не пытайтесь меня обмануть или укрыться от меня. Я принял все меры предосторожности, я знаю час за часом все, что вы делали за эту неделю, и вы всецело находитесь в моей власти!

Вы ездили два раза в Версальский суд и раз в полицейскую префектуру. Вы приказали охранять свой дом ночью и днем, что является верхом глупости по отношению к человеку моего пошиба.

Но довольно болтать! Вы должны иметь пятьдесят тысяч франков... вы их имеете и вручите сегодня мне.

Вложите деньги в конверт и отдайте его лицу, которое ровно в полдень будет у опушки леса. В назначенный час мужчина в каштановой ливрее перейдет дорогу в десяти шагах от въезда в лес. Вы скажете ему: «Я – господин Грандье». Он ответит: «Княгиня ожидает», и вы вручите ему выкуп за себя и свою семью.

Может быть, вы попытаетесь задержать его. Это было бы глупо, так как он не соучастник мой и не отвечает за свою роль. Это наемник,

считающий себя доставщиком политической корреспонденции. Во всяком случае, надо все предвидеть. Предупреждаю, что если вы измените мне, – в эту же ночь будет совершено убийство: я не отступлю ни перед чем и готов убить человека так же легко, как раздавить улитку.

Итак, в эту ночь я зарежу какого-нибудь гражданина этой страны. Для большей убедительности у него будет перерезано горло от одного уха до другого и вырезана ножом на коже левого виска моя эмблема – красная звезда.

Примите это к сведению!»

– Ну, что вы скажете на это? – спросил несчастный Грандье слабым голосом.

– Скажу, – отвечал с важностью агент, – что все это сводится к простому шантажу!

– Но эти страшные угрозы, повторяемые каждый день в течение целой недели?

– Шантаж, и все эти «красные звезды», бумага не обычного формата, сильные выражения этого письма, не соответствующие цели, – все это не больше, как театральные эффекты. Уверю вас, сударь, мой полицейский нюх говорит, что вы имеете дело с простым мошенником, которого мы и поймаем. . . другого я ничего не могу предположить!

– А если. . .

– Я отвечаю за все; не беспокойтесь: никто не будет убит, об убийстве не кричат за целых двенадцать часов вперед!

– Что же делать?

– Положитесь на меня, вложить в конверт пятьдесят фальшивых билетов и отправиться в полдень на свидание с человеком в ливрее. Остальное – мое дело!

Уверенность полицейского ободрила господина Грандье, он начал оживать. Между тем агент продолжал:

– Сейчас девять часов. У меня как раз достаточно времени, чтобы переодеться и дать знать своим помощникам. Потом мы возьмем в руки нить дела я уже не выпустим ее!

– Делайте, как считаете нужным. Отдаю свою судьбу в ваши руки!

– И вы правы. То, что мы спасем вас, так же верно, как то, что мое имя Жерве!

И агент удалился, уверенный в успехе.

В назначенный час господин Грандье находился у опушки леса, тщетно отыскивая глазами агента. Он заметил верхового, по-видимому, внимательно изучавшего план леса. Только на минуту этот всадник кинул незаметный взгляд в его сторону, и Грандье скорее угадал, чем узнал в нем полицейского агента, поразительно удачно замаскировавшегося. Несколькими шагами далее какой-то субъект в коротком пиджаке и переднике пил из стакана у прилавка с винами; там же остановился железнодорожный служащий, державший под мышкой небольшой пакет, похожий на почтовую посылку. Все трое, казалось, совершенно не знали друг друга.

С замиранием сердца господин Грандье услышал первый удар часов, бивших полдень. Он перешел дорогу в лес и увидел человека в ливрее, пересекавшего путь. Грандье приблизился к нему, держа письмо на виду, и проговорил:

– Я – господин Грандье!

– Хорошо! Княгиня ожидает! – ответил тот.

Не прибавив ни слова более, Грандье вручил ему письмо и повернулся. Незнакомец вежливо поклонился, опустил письмо в карман и направился по дороге в лес.

Между тем всадник успел уже сложить свою карту и очень ловко объехал таинственного посланника: известно, что самый верный и надежный прием выследить кого-нибудь – находиться впереди его. Железнодорожный служащий и таинственный субъект следовали на недалеком расстоянии от знакомого, делая вид, что зевают по сторонам, а на деле готовые броситься на него. Тот шел уверенным шагом, с видом человека, имеющего спокойную совесть и средства к жизни. Таким образом он прошел около трехсот метров, пока не достиг места, где две дороги пересекались под прямым углом. На одной из них стоял лесник, держа за повод

оседланную лошадь. Незнакомец остановился, обменялся с ним несколькими быстрыми словами, потом взял повод, вскочил в седло и помчался со скоростью поезда.

Жерве, полицейский агент, предвидел этот маневр и, пока его помощники стояли в замешательстве, прищпорил свою лошадь и бросился ускоренным галопом преследовать беглеца. Последний, казалось, не мог ускользнуть от такого превосходного наездника, как Жерве, имевшего к тому же великолепного коня. Лесник же остался под присмотром Шелковой Нити и Бабочки – двух полицейских, переодетых один работником, другой – служащим железной дороги.

Они добросовестно следили за подозрительным лесником и видели, как он направился к одной из тех решеток, какими отделяют охотничьи участки. Минут десять он шел вдоль решетки и, наконец, остановился перед маленькой железной дверцей, сделанной в палисаде. Он быстро отпер дверь ключом, проскользнул в нее, опять запер и скрылся во рву.

Одураченные таким неожиданным исходом дела, агенты двинулись вперед и приблизительно через полчаса вышли на лесную дорогу, благоустроенную, но совершенно пустынную.

– Постараемся сориентироваться и определить, где мы находимся! – сказал Бабочка, вынимая из кармана план леса.

Неровный лошадиный галоп отвлек его внимание и заставил поднять голову от плана; его товарищ тоже насторожился. Прямо на них скакала лошадь, вся покрытая пеной; повод был закинут ей на шею, а стремяна болтались по бокам. Инстинктивно они бросились наперерез ей, цепляясь за повод, за гриву и прилагая все силы, чтобы остановить обезумевшее животное. Когда это удалось наконец, то вопль горести и ярости вылетел из их грудей: они узнали лошадь, которую их начальник, Жерве, взял для себя за три часа перед этим!

Господин Грандье был немного успокоен полицейским агентом; хладнокровие последнего невольно внушало доверие. Он забыл беспокойство, мучившее его целую неделю, лег рано в постель и впервые за все восемь дней уснул крепким сном. В шесть часов утра его разбудил шум голосов. Лакей его разговаривал с садовником, исполнявшим в то же время должность привратника и жившим в домике близ решетки.

– Я говорю вам, Жермен, что письмо заказное, и его нужно передать барину во что бы то ни стало, как объявил человек, принесший его и чуть не оборвавший звонок!

– Подайте сюда, Жермен, подайте! – сказал Грандье, уже предчувствуя беду.

Ледяной холод проник ему в грудь: он заметил красную звезду, напечатанную на толстом конверте из желтой бумаги. Лихорадочно разорвав его, несчастный прочел следующие строки, ходившие ходуном перед его глазами:

«Вы обманули меня! Убедившись, что необходим труп, чтобы побудить вас к повинности, я совершил этой ночью убийство, как и предупреждал. Отправляйтесь на улицу Св. Николая и вы увидите там мертвеца с моею печатью на левом виске. Завтра в полдень вы доставите мои пятьдесят тысяч франков или ваш сын погибнет будущей ночью.

Теперь вы знаете, что я держу свое слово!»

Поспешно, сам не сознавая, что делает, господин Грандье оделся и бросился по указанному адресу.

Вот и улица Св. Николая... Взволнованные люди суетятся, кричат... открывается дверь... растрепанная женщина испускает крики, хватающие за душу... во дворе – беспорядок и отчаяние.

Жандарм прибегает в тот момент как Грандье, не сознавая, что он делает и говорит, входит в дом и произносит, почти задыхаясь.

– Я хочу видеть... труп!

Толпа расходится, а он входит в комнату, где рыдают какие-то люди, которых он даже не замечает. На постели, обгаренной кровью, лежит труп зарезанного, с большими открытыми глазами. Страшная рана пересекает его горло от одного уха до другого.

Похолодевший от ужаса, но словно влекомый неведомой силой, Грандье наклоняется над этим трагическим, застывшим лицом...

Левый висок исполосован ножом... линии разрезов изображают пятилучевую звезду...

– Красная звезда... – лепечет через силу несчастный. – Я также... я должен умереть!

Он оставляет комнату, толкая встречных и бегом возвращается на виллу Кармен; захватившись, входит в контору и запирается: там, потом, без всяких размышлений и выжиданий; берет лист бумаги и пишет трепещущею рукою:

«Разоренный, доведенный до отчаяния, не имея возможности удовлетворить требование бандитов, угрожающих погубить моих близких, я умираю, завещая детям мщение.

Ш. Грандье».

Перечитав эти слова, он склонил голову, открыл ящик бюро, вынул из него револьвер и приставил его к виску, потом решительно, без тени колебания, спустил курок.

Глава II

Два друга. – Ученый и репортер. – Поль Редон и Леон Фортен. – Как теперь убивают. – Кое-что о морских свинках. – Чудесное открытие. – Тайна золота. – Новый металл. – Леон Фортен хочет во что бы то ни стало иметь пятьдесят тысяч франков, чтобы стать повелителем золота. – Арест.

– Редон, дружище! Тебя ли я вижу? Вот приятный сюрприз! – вскричал Леон Фортен, увидев приятеля, входившего к нему в лабораторию, где он занимался какими-то опытами. Тот в свою очередь радостно приветствовал его.

Поль Редон был журналист или, вернее, репортер, но репортер высшего класса, действовавший по-английски и по-американски. Он владел даром разведчика и соединял чуткость, какой позавидовал бы любой полицейский, с удивительной ловкостью. Обладая небольшим состоянием, он работал, когда хотел, и получал большие деньги от влиятельных парижских журналов, ценивших его труды на вес золота.

Это был красавец лет двадцати пяти – двадцати шести, с темными волосами и бородой, с матовым, как у креола, цветом кожи и голубыми глазами, острыми и пронизательными.

Искусный во всех физических упражнениях, страстно любящий спорт, донельзя отважный, Поль Редон имел две оригинальные слабости: он всегда зяб, кутался целый год в меха и воображал в себе всевозможные хронические болезни. Характер у него был прямой и честь незапятнана. Осмеивавший, по-видимому, все, он способен был увлекаться великими идеями. К этому надо добавить еще железную волю, какой нельзя было и подозревать в этом человеке, приходившем в ужас от сквозняков и не пропускавшем ни одного объявления о новоизобретенном средстве, исцеляющем все, даже воображаемые болезни.

С Фортемом они подружились еще детьми в заведении Св. Варвары и сохранили эту дружбу до зрелого возраста. Будучи одних лет со своим другом, репортером, Леон Фортен совершенно не походил на него ни морально, ни физически.

Этот здоровяк с широкими плечами и выпуклой грудью состоял как бы из одних мускулов и обладал силою атлета. Прекрасная и гордая голова его напоминала орлиные маски старых галлов, от которых достались ему в наследство большие, цвета морской воды, глаза, изящно обрисованный нос, красные губы и длинные усы. Сильный и смелый, как лев, взглянувший, казалось бы, хладнокровно даже на ниспровержение небес, он обладал мягкостью и добротой, привлекавшими к нему все сердца. По виду его можно было отнести, к героям и участникам громких приключений. Но в этом единственно его внешность была обманчива. Леон Фортен, сын, внук, правнук и т. д. по нисходящей линии, был потомком записных вояк. Однако, унаследовав от них внешность, он по профессии не имел с ними ничего общего – это был молодой и уже замечательный ученый. Да, замечательный, оригинальный и, может быть, гениальный ученый, открытия которого, еще наполовину только известные, наделали много шума. Вся его жизнь сосредоточивалась на работе.

– Скажи же, что привело тебя в мое скромное убежище? – спросил он приятеля.

– Помилуй, неужели ты не знаешь, что в двух шагах от тебя совершено преступление?

– Преступление! Здесь! Странно!

– Скажи... необыкновенно, ошеломляюще! За время своей репортерской деятельности я повидал много убийств, и все они имели мотивы...

– А тебе известно, кто жертва?

– Да, погиб бедный, невинный человек, не имевший даже врагов; убит из каких-то необъяснимых побуждений... я бы даже сказал – из любви к искусству.

– Странно, – произнес Фортен задумчивым и печальным тоном, – как нынче мало ценится человеческая жизнь! Убивают, кромсают людей ни за что... не зная их... Да, есть

люди, для которых пролить кровь себе подобного значит то же, что для меня – кровь моих бедных маленьких свинок!

– А ты еще мучишь индейских свинок?

– Увы, да!.. Я только что открыл новое анестезирующее средство, которое в будущем вытеснит хлороформ... Сейчас ты о нем ничего больше не знаешь!..

– И свинки страдают в ожидании, пока люди воспользуются им?

– Да!.. да!.. мой старый филантроп!

– Но покажи, что ты прячешь на этом столе!

– А это, голубчик, величайшее открытие! Видишь на столе эти опилки? Ну, так знай, что я сейчас произвожу опыты над новым металлом, открытым мною благодаря периодическому закону элементов великого русского химика Менделеева. Этот металл обладает способностью притягивать к себе золото, как магнит железо. Я смешивал здесь крошки различных металлов и приближал к ним кусок мною изобретенного. Тогда все крошки оставались в покое, а золотые притягивались к нему. Пойми, что если сделать из моего металла стрелку, наподобие магнитной, то золотые россыпи будут оказывать на нее такое же действие, как на магнитную – железо. Ведь с моим изобретением можно прибрать к рукам все залежи золота на земле. Для меня больше не существует тайны, скрывающей золото в недрах земли, и сокровища Клондайка, Юкона, Аляски принадлежат мне! Свой металл я назову «леониум». Ну что, веришь ты в мое открытие?

– Я восхищен им!

– Теперь мне нужно во что бы то ни стало пятьдесят тысяч франков. Необходимо начать в широких размерах исследования относительно леония, получить в достаточном количестве чистый металл и, когда все это будет кончено, организовать под большим секретом экспедицию в Клондайк.

– Вот это мне особенно по душе!

– Но подумай: я не мог найти ни единого су на это так восхитившее тебя открытие.

– О глупость!.. Непроходимая глупость нашей денежной буржуазии!

– В Америке, где обращаются с деньгами не так идиотски, как у нас, я имел бы уже тысячу долларов! Напрасно я обращался к людям интеллигентным, – они не хотели даже выслушать меня. Если б ты видел, что с ними происходило при словах «пятьдесят тысяч франков».

– Да, наша французская бережливость держится еще за старый шерстяной чулок!

– В отчаянии я отправился к богатому промышленнику Грандье, живущему на вилле Кармен, которого считал сторонником прогресса, способным отозваться на все оригинальное и великое. Он рассеянно выслушал меня, а когда я попросил пятьдесят тысяч франков, то он попросту указал мне на дверь, назвав меня сумасшедшим. Хотя в его оправдание надо заметить, что я изложил ему дело в несколько резкой форме и только впоследствии вспомнил, что он имел все права на мое уважение.

– Как это?! Какие права?

– Это маленькая тайна, которую ты узнаешь потом!

– Ну, если Грандье имел глупость тебе отказать, я ручаюсь, что ты получишь нужную сумму и в скором времени!

Тяжелые шаги, сопровождаемые бряцаньем шпор, прервали беседу.

– Здесь! – произнес грубый голос у самой двери маленькой лаборатории, устроенной Фортемом в углу сарая.

– Он страшно силен, и вы должны находиться на расстоянии голоса, не дальше!

Раздалось два удара в дверь.

– Войдите! – отвечал молодой ученый удивленным тоном.

Дверь растворилась, и показался жандармский унтер-офицер. Он, не кланяясь, приблизился к Фортему и строгим голосом спросил:

– Вы – Леон Фортен?

– Да!

– Именем закона вы арестованы!

– Я? Но это бессмыслица!.. В чем же меня обвиняют?

– В том, что вы убили бедного невинного человека по имени Мартин Лефевр, проживавшего по улице Св. Николая!

При этом чудовищном обвинении из груди Леона Фортена вырвался крик ужаса и негодования.

– Я!.. убийца!.. но вы сами...

– Молчите и повинуйтесь добровольно; в противном случае...

– Но то, что вы сказали, ужасно! Против этого позора говорит вся моя честная жизнь!

– Это меня не касается! – грубо прервал жандарм. – Я имею приказ арестовать вас и выполняю его!

Поль Редон сделал было попытку вмешаться в разговор, но жандарм скользнул взглядом по этому закутанному в мех человеку, которого он видел утром вблизи места преступления, и пробормотал:

– С вами я никаких дел не имею! Ну, прощайтесь скорее, – прибавил он нетерпеливо, – а вы, Фортен Леон, следуйте за мною!

Бледный, растерянный Фортен окинул последним взглядом свою маленькую лабораторию, где провел столько отрадных минут, и сердце его сжалось от бели. Ему хотелось в эту минуту обнять отца и мать, приласкаться с бесконечной нежностью к своим добрым старичкам, как делал это в детстве, и уверить их в своей невинности. Но они были в поле, занятые обычным трудом, и, может быть, так даже было лучше.

– Я их увижу... я сказку им... поддержу их, как сделал бы твой брат, мой дорогой Леон! – вскричал Редон, нервно пожимая руки своего друга. – А ты будь терпелив!.. Дело разъяснится... Я похлопочу об этом и сумею доказать правду, на зло чиновникам и жандармам. Теперь же я следую за тобою!

Глава III

Тягостный путь. – Истинный друг. – Перед судом. – Вопрос. – Цветы обвиненного. – Дама в голубом. – Донесение агента. – «Это вы – убийца!»

Жандарм открыл дверь и повелительным жестом пригласил молодых людей выйти. На улице другой жандарм с трудом сдерживал шумную толпу. При виде Поля и Леона раздался дикий рев.

– Убийцы!.. Вот они, негодяи!.. Бандиты! Смерть им!.. Смерть убийцам!

Особенную яростью отличались женщины, готовые бить и всячески мучить мнимых преступников.

Наконец, они прибыли в мэрию, где уже находился следователь и помощник прокурора Республики, приехавшие из Версаля, и мировой судья из Сен-Жермена. Редон нежно обнял своего друга и прошептал несколько слов утешения.

– Ну, довольно! – положил конец их беседе жандарм.

Редон дружески протянул ему руку. Он был знаком со всеми и находился в наилучших отношениях с магистратом. Пользуясь благоприятным случаем, он живо отвел в сторону своего знакомого и шепнул ему на ухо:

– Поверьте, вы страшно заблуждаетесь; даю вам честное слово, что Фортен невиновен!

– Я очень бы желал этому верить, но мы арестовали его, имея важную улику!

– Какую же?

– Этого я не могу сообщить!

– Хорошо, но дадите вы мне возможность исследовать дело?

– Охотно!

– Тогда прикажите предоставить мне свободный доступ в дом, где совершено преступление.

– Это можно!

– Благодарю! Я не останусь в долгу!

– Советую вам не горячиться, чтобы не попасть в оплошность и не повредить делу.

– Еще раз благодарю вас!

– Через два часа, после завтрака, мы будем допрашивать обвиняемого. Вы придете?

– Да, до свидания!

Теперь в зале остались только трое судей, писарь, жандармский унтер-офицер и Леон Фортен.

Следователь приказал жандарму удалиться в коридор и не впускать никого, потом учтиво предложил подсудимому сесть и приступил к одному из тех ужасных допросов, какие приводят в замешательство даже невинных числом, неожиданностью и странную постановкой вопросов. Сначала следуют имена, прозвания и занятия.

Фортен, Леон-Жан, 26 лет, доктор наук, препаратор парижского факультета, получает содержания 150 франков в месяц, живет у родителей в Мезон-Лафите, ездит по делам три, четыре, иногда пять раз в Париж, имеет абонементный билет 3-го класса Западной железной дороги.

Пока писарь заносил эти сведения на бумагу, следователь впился глазами в Фортена и спросил его:

– Знаете вы господина Грандье?

При этом вопросе, по-видимому, ничего общего не имевшем с преступлением на улице Св. Николая, Фортен явно покраснел и в замешательстве отвечал:

– Да, я знаю господина Грандье... но очень мало... я с ним говорил лишь однажды... при затруднительных... или, скорее, смешных для себя обстоятельствах!

- Сообщите, пожалуйста, эти обстоятельства.
- Охотно, так как это единственное свидание не оставило во мне ни стыда, ни упрека! Я – изобретатель и очень бедный. Нуждаясь в большой сумме с целью внедрить открытие, долженствующее произвести экономический переворот во всем мире, я ходил на прошлой неделе просить эту, сумму у господина Грандье.
- А как она высока? – спросил небрежно следователь.
- Пятьдесят тысяч франков!
- Услышав такой ответ, судейский чиновник слегка повел глазами и закусил губы, как человек, начинающий убеждаться в справедливости своего предположения.
- Итак, вы хотели занять пятьдесят тысяч франков у Грандье?
- Да, хотя эта попытка оказалась величайшею из глупостей, когда-либо сделанных мною! Тогда следователь перешел к другому.
- Где вы были вчера в полдень?
- В лесу!
- Когда завтракаете?
- В двенадцать часов, так что я должен был бы находиться в это время дома; но я вернулся, против обыкновения, только к часу!
- Зачем же вы изменили своей привычке?
- Я шел своей обычной дорогой, как вдруг увидел вспененную лошадь без всадника. Напрасно пытался я ее остановить... Я был отброшен и сбит с ног.
- Сколько было времени тогда?
- Четверть первого!
- Когда же вы могли вернуться к родителям?
- Для этого потребовалось бы около десяти минут!
- Почему же вы вернулись через час?
- Вторично Леон Фортен покраснел и обнаружил волнение.
- Отвечайте мне с полною откровенностью, – прибавил следователь, – скажите всю правду!
- Уверяю вас, что я занимался очень невинным делом, совершенно чуждым печальному предмету, о котором мы говорим.
- Я забочусь о ваших же интересах!
- Фортен, сделав над собою усилие, начал:
- Хорошо! В тот момент, когда встретила лошадь, у меня в руке был букет из фиалок и первоцвета... Одной свободной рукой я не мог удержать лошадь, и мой букет очутился у нее под копытом. Из-за этого я должен был набрать свежих цветов!
- В ответ на это следователь иронически улыбнулся, слегка пожав плечами.
- Можете вы сказать, кому предназначались эти цветы?
- Нет, – возразил с твердостью Леон, – не могу и не хочу!
- Подумайте, к каким важным последствиям может повести ваше умалчивание при изложении этой малоправдоподобной истории!
- Это мой секрет, и вы его не узнаете!
- Как угодно... Встретили ли вы кого-нибудь по дороге?
- Никого, сколько мне известно... или я не обратил внимания ни на кого. Может быть, я даже прошел мимо нескольких человек, не заметив их!
- Однако вас видели!
- Возможно: я не прятался. Впрочем, видевшие меня могут подтвердить справедливость моих слов!
- Да, без сомнения, но не всех!

При этом следователь наклонился к писарю, после чего тот положил перо и быстро вышел, а через несколько минут вернулся в сопровождении Шелковой Нити и Бабочки, двух помощников Жерве, все еще одетых – один рабочим, другой служащим Западной Компании.

– Узнаете вы этого господина? – обратился без всяких обиняков следователь к Бабочке.

– Да, я встретил его вчера в лесу, когда мы увидели лошадь своего начальника, бедняжки Жерве. Мой товарищ, Шелковая Нить, овладел лошастью и поехал на ней в Мезон-Лафит, я же возвращался пешком, когда заметил господина, находящегося теперь перед вами. Он привлек мое внимание потому, что шел быстро и казался взволнованным, но особенно меня поразила его запачканная пылью одежда и помятая шляпа. Удивленный исчезновением своего начальника, я искал причины этого исчезновения и, увидя незнакомца, так мало походившего на гуляющего, принялся за ним следить.

Он достиг Мезон-Лафита, и я видел, как он шел вдоль решетки богатой виллы и наконец остановился и положил за столбом букет, который держал в руке. После этого он удалился от виллы, причем я следовал за ним на расстоянии почти двухсот метров; однако, мне удалось заметить очень элегантную даму, одетую в голубое, под белым зонтиком, которая торопливо взяла букет.

– Вам известно название этой виллы?

– Оно обозначено золотыми буквами на белой мраморной доске, находящейся над главным входом. Это – вилла Кармен!

– Ну-с, господин Фортен, что выскажете на это? – спросил с иронией следователь.

– Скажу, что это показания шпиона, которому нечего здесь делать! – ответил раздраженный молодой человек.

При слове «шпион», неосторожно сорвавшемся с языка Леона, полицейский агент побледнел и бросил на него гневный взгляд.

По знаку следователя он продолжал:

– Тогда я проследил за этим господином до его дома и узнал, кто он такой. Потом мы занялись Жерве, которого нашли вечером того же дня в Сен-Жерменском госпитале в отчаянном положении. Он не узнал нас и не мог дать никаких показаний относительно нападения, жертвою которого стал.

– Вы продолжаете думать, что здесь было преступление, а не случайность?

– Преступление – утверждаю это! Кроме того заявляю, что этот господин, занятый в лесу собиранием маргариток и находившийся так близко от места преступления, причастен к нему.

Тут Леон Фортен потерял свое обычное хладнокровие и порывисто вскричал:

– Что же случилось, и чего вы хотите от меня? Как! Вы арестовали меня без всякого основания, как убийцу, и вот явился этот человек и под предлогом, что я собирал цветы в лесу, обвиняет меня в другом убийстве! И ваша совесть, господа беспристрастные, справедливые люди, не возмущается?! Вы допускаете, что человек, ознаменовавший свое прошлое славной работой и неподкупной честностью, может сделаться преступником в один день! Это чудовищно!.. Я протестую против оскорбления, нанесенного моей чести!

В ответ на это следователь молча вынул из кармана небольшой пакет, завернутый в газетную бумагу, потом развернул бумагу и открыл маленькую записную книжку, снабженную карандашом и каучуковой тесьмой.

– Узнаете вы эту книжку? – сказал он ледяным тоном, показывая ее Фортену.

– Да, потому что она принадлежит мне! – отвечал последний без малейшего колебания. – Я потерял ее вчера, вероятно, в лесу, когда был сбит с ног лошастью.

– Так! А можете вы объяснить происхождение кровавых пятен на переплете и некоторых листках?

– Очень легко: я изучаю на морских свинках новое анестезирующее средство и, когда произвожу вивисекцию над этими маленькими животными, то Заношу наблюдения в эту

книжку. Я работаю быстро, рук не мою в это время и не могу таким образом избежать пятен на книжке. Вот вам истинная правда!

– Вы лжете и бессовестно нагромождаете обман на обман!

– Я говорю правду!

– Мотив ваших преступлений – непомерное честолюбие. Вы просили пятьдесят тысяч франков у Грандье; он отказал вам... Тогда вы подвергли этого несчастного шантажу и страшным угрозам, доведшим его до самоубийства.

– Я!.. Шантаж... против него... но это клевета!

– Молчите! У нас в руках ваши письма. Чтобы запугать Грандье и подчинить его своей воле, вы совершили убийство на улице Св. Николая.

– Мои письма!.. Мои письма! – пробормотал Фортен. – Я никогда не писал Грандье!

– Да, ваши письма с красною звездой, почерк которых поразительно напоминает почерк вашей записной книжки. А эта книжка для записок? Вы не в лесу ее потеряли... знаете ли, где она была найдена? У постели вашей жертвы на улице Св. Николая!

Глава IV

Редон принимается за дело. – Первые доказательства. – Труд паука. – Западня. – Это – англичанин. – Луч света. – Возвращение в Париж. – Задержание багажа. – По телефону. – Удар ножом.

Допрос продолжался еще долго. От измученного Леона Фортена не услышали ничего – только негодующие возражения. Затем весь судебный персонал позавтракал с аппетитом, ничуть не пострадавшим от утреннего волнения. Это заняло добрых два часа, и ни одной минуты из них Поль Редон не потерял бесполезно. Получив разрешение товарища прокурора, он помчался к дому, где было совершено преступление. Там у входа стоял жандарм, не пропускающий никого без формального приказа.

Все помещение состояло из маленького домика, расположенного между двором и садом, с прачечной, каретником и дровяным сараем, упиравшимся в забор, и занимало около ста двадцати квадратных метров. Строения и забор находились в плохом состоянии; видно было, что хозяин не заботился об их поддержании. Это был мужчина старше пятидесяти лет, оригинал, избегавший общества и слывший невероятно скупым; с ним жила старая семидесятилетняя ключница, глухая и наполовину калека. Близ трупы, строгий и трагический силуэт которого обрисовывался под запятнанным кровью одеялом, дежурила монахиня.

Репортер прежде всего тщательно осмотрел наружную стену забора, причем его внимание привлекли кусочки черепицы, валявшиеся под лестницей. Черепица на верхней части стены действительно оказалась облупленной, и под лестницей виден был след ног, сильно упиравшихся в землю. Следы были совершенно свежие и отчетливые.

– Здесь убийца проник во внутрь ограды! – подумал репортер, изучая отпечатки ног со вниманием краснокожего, вступившего на стезю войны. – Стена не выше двух с половиною метров, и он мог перескочить ее без всякой опасности для себя.

Еще утром репортер решил, что убийца пробрался в дом, разбив стекло террасы, но он не заметил тогда ни малейшего его повреждения. Теперь же он подошел к стеклу и стал его внимательно рассматривать. Оказалось, что оно было вырезано алмазом, и до такой степени искусно, что Редон покачал головой и пробормотал:

– Чистая работа!

Орудиями послужили, очевидно, кусок смолы и алмаз, используемый стекольщиками. Преступник, размягчив предварительно смолу в руках, прилепил ее на середину стекла и около замазки обвел алмазом; потом левою рукою схватился за кусок смолы, сильно приставший к стеклу, а правой стал легонько ударять по последнему до тех пор, пока оно не отделилось почти без всякого шума. Благодаря крепко державшей его смоле, стекло не упало, и открылся свободный проход.

Редон скоро нашел и самое стекло; оно находилось вдоль стены, над окошком, и было почти совсем скрыто кустом ревеня.

Он поднял его и осмотрел все четыре стороны: тут все было сделано опытной рукой. Затем взгляд его остановился на куске смолы, и радостное восклицание вырвалось из груди: два темных, слегка волнистых волоса, длиною по крайней мере пятнадцать сантиметров, пристали к смоле. При этом открытии в голове репортера сейчас же сложилась такая гипотеза:

– Человек, вынувший стекло, имеет длинную бороду, волосы из которой остались на смоле во время проделанной операции. Отпечаток ног и эти волосы, – вот уже в моих руках недурная парочка доказательств. Крайне необходимо получить отпечаток следов!

С этой мыслью он вышел из ограды и сказал дежурному жандарму:

– Я вернусь через минуту... дайте мне, пожалуйста, адрес гипсовой лавки.

Получив адрес, наш добровольный сыщик побежал в лавку, купил там полмешка гипса, взял лопату и бегом же вернулся к месту преступления. Здесь, накачав у колодца воды и отыскав в прачечной маленькую кадуюшку, он принялся растворять гипс, не обращая внимания на покрывавшие его одежду брызги.

Когда раствор приобрел известную густоту, он наполнил им обе выемки, образованные ногами ночного посетителя. Заинтересованный жандарм, переставший уже считать помешанным этого элегантного молодого человека, подошел к нему и сказал:

- Ну и хитрец же вы, сударь!
- Вы поняли?
- Да, и полагаю, что эти куски будут иметь в глазах суда немаловажное значение!
- А вы согласитесь письменно удостоверить тождество их со следами?
- Конечно, как и все, что вам удастся открыть здесь для выяснения дела!
- Благодарю! Вы – храбрый и благородный человек!

Пока гипс затвердевал, Редон отправился в комнату, где лежал труп. Он почтительно раскланялся с монахиней, читавшей молитвы над покойником, объяснил ей мотивы своего присутствия и приступил к исследованию.

Внутренность жилища, как и наружный вид его, не отличалась привлекательностью: везде лежала пыль и тянулась паутина. Одного из прилежных ткачей последней репортер увидел в складках балдахина, осевшего кровать. Он заботливо исправлял свою паутину, попорченную, очевидно, не особенно давно. Может быть, в момент преступления убийца наклонился над кроватью несчастного старика, потом быстро выпрямился и порвал паутину.

Редон попробовал даже воспроизвести эту сцену, как она представлялась его воображению, и нашел, что человек одинакового с ним роста должен был непременно задеть паутину. Таким образом серия его доказательств пополнилась еще одним.

Осмотр мебели и пыли не дал никаких результатов, так что репортер собирался уже уходить, как вдруг нога его задела что-то твердое. Он наклонился и поднял пуговицу, простую пуговицу от панталон. Но Редон знал, что при производстве следствия нельзя пренебрегать никакой мелочью, как бы ничтожна она ни казалась на первый взгляд. Он осмотрел пуговицу и заметил, что она была оторвана с силой, так что при ней остался кусочек материи. Сама по себе пуговица была довольно широкая, очень крепкая, имела особенную форму и надпись «Барров Т. Лондон», – очевидно, имя портного и его местожительство.

– Итак, – сделал заключение Редон, – ночью или утром здесь был мужчина, заказывающий свои костюмы в Лондоне. Не думаю, чтоб это был кто-нибудь из судейских или мой бедный Леон... Черт возьми! Что, если убийца – англичанин? Надо посмотреть ноги!

Он крепко завязал, в уголок носового платка пуговицу и быстро спустился в сад. Гипс был тверд, как камень. С бесконечными предосторожностями Редон разрыхлил землю, не жалея ногтей, и скоро в его руках очутились два великолепных отпечатка, воспроизводившие с замечательной точностью все детали обуви. Не было сомнения, что ботинки английской работы, а нога – длинная, плоская и узкая, словом, характерная нога англичанина.

Репортер торжествовал. В его руках находилась уже руководящая нить, правда, очень непрочная и предположительная, но все-таки нить к разгадке тайны преступления.

– Ну, – говорил он, потирая руки, – ошибка ясна... это англичанин... и я найду его! Искать можно только в Сен-Жермене... Итак, живет туда!

Не теряя времени, он направился к извозчику за каретой, а пока запрягали, стряхнул пыль и постарался привести в порядок свой туалет. Заботливо отчистив известку, он нашел еще минуту сочинить следующую записку товарищу прокурора:

«Не имею возможности присутствовать при допросе. Я напал на след, совершенно чуждый вашему. Завтра подробности к вашим услугам. Берегитесь ловушки!

Ваш Редон».

Затем он крупной рысью мчится в Сен-Жермен. По прибытии туда наш следователь первым делом обходит все отели, начиная с самого шикарного, Павильона Генриха IV.

Его появление в знаменитом отеле, как человека известного директору и части служебного персонала, вызывает только любопытство.

Он отводит директора в сторону и, дружески пожимая его руку, спрашивает нетерпеливо:

– Не остановился ли у вас джентльмен приблизительно такого же роста, как я, с длинной темной бородой и ногами поистине английского размера?

– У нас был только один англичанин, подходящий под ваше описание, довольно-таки неопределенное, но...

– Он уехал?

– Да, три часа тому назад!

– А, черт возьми!.. И не оставил адреса?

– Он отправился, насколько я мог догадаться, в Лондон!

– Не можете ли вы по крайней мере назвать его?

– Охотно: его зовут Френсис Бернетт. Он прибыл из Индии и останавливался здесь только на две недели.

– Благодарю! Как досадно... мне крайне необходимо было видеть его по одному делу. Но... может быть, я могу видеть человека, обслуживавшего его?

Такому важному клиенту, как Поль Редон, неловко было отказать. Директор велел позвать лакея Феликса и предоставил его в распоряжение репортера. Когда они остались одни, Редон вынул из кармана два луидора, опустил их в руку слуги и сказал:

– Вы знаете, Феликс, что у меня иногда являются странные фантазии?

– О, барин волен иметь фантазии, какие ему заблагорассудится!

Репортер продолжал легкомысленным тоном, хотя сердце со страшною силою билось у него в груди.

– Сегодня утром мне попала пуговица в таком месте, где она не должна быть... Я подозреваю, что владелец ее – господин Бернетт, и это глубоко интересует меня.

Лакей улыбнулся и наклонил голову, как человек, привыкший понимать все с полуслова.

– И мне думается, Феликс, – прибавил Редон, – что профессиональная тайна не мешает вам сообщить мне, насколько основательны мои подозрения? Впрочем, вот и само доказательство преступления!

Он развязал уголок своего платка, вынул оттуда пуговицу и показал ее слуге, который тотчас же ответил:

– Вы правы: эта пуговица от одежды господина Бернетта. Я видел у него такие же, с такой же точно надписью «Барров Т. Лондон». Я утверждаю это с тем большей уверенностью, что сегодня утром господин Бернетт, заметив, что не достает у панталон одной пуговицы, просил меня пришить ему другую на ее место, которое, впрочем, было вырвано вместе с пуговицей.

Эти слова чуть не свели с ума Редона, но он сдержался и произнес, не то смеясь, не то сердясь:

– Вот видите, какой плут этот англичанин. И выглядит, верно, хуже меня?

– Еще бы! Ему около сорока лет, он высок, напоминает боксера и носит дымчатые очки...

– Так он уехал?

– Да, сударь!

– И забрал свои сундуки, чемоданы?

– Чемодан и три английские ивовые корзины, покрытые просмоленным полотном.

– Хорошо, благодарю!.. Держите, Феликс! – сказал Редон, вручая третий луидор слуге, рассыпавшемуся в благодарностях.

Узнав все, что ему было нужно, Редон вышел из Павильона, заплатил за карету и помчался на станцию. Поезд только что отошел, пришлось около полчаса дожидаться другого.

Кстати, репортер вспомнил, что, кроме чашки чая, у него ничего не было во рту целый день, а время близилось к четырем часам. Он съел два сэндвича, выпил стакан малаги, выкурил сигару и вскоре покотился в Париж. Пятьдесят минут спустя поезд остановился на станции Сен-Лазар. Справедливо полагая, что путешественники, едущие из Сен-Жермена, редко сами заботятся о багаже, он опросил сейчас же всех носильщиков, не принимали ли они вещей у господина, похожего на Бернетта, владельца трех ивовых корзин. Никто такого не видал. Редон, однако, не потерял мужества, памятуя, что терпение – необходимая черта всякого следователя, и продолжал расспрашивать, щедро давал на чай и в конце концов добился признания, что господин высокого роста, с бородой, похожий на англичанина, вышел на станции, но только с двумя корзинами.

– Это он! – сказал себе Редон. – Но где же третья корзина?.. А!.. В кладовую!

При помощи денег, открывающих все двери, он проник в кладовую и сейчас же узнал корзину. Сомневаться было невозможно, так как на ней значился адрес: Френсису Бернетту, Лондон.

– Однако я играю сегодня счастливо, – подумал репортер. – Теперь – к телефону!

Он вошел в телефонную будочку и позвонил.

– Прошу соединить с Версальским судом!

Прошло несколько минут.

– Кто вы?

– Поль Редон, журналист. А вы?

– А! Это Редон! Я прибыл из Мезон-Лафита с нашим пленником... Он упорствует... но он виновен... не пытайтесь что-либо сделать в его пользу...

– Убийца, мой дорогой прокурор, англичанин по имени Френсис Бернетт, и завтра я докажу вам это. А пока прикажите задержать сундук, принадлежащий сэру Бернетту и находящийся в кладовой на станции Сен-Лазар. А затем, кроме того, необходимо навести справки во всех отелях и арестовать этого Бернетта, приметы которого сообщаю. Наконец, вы должны еще приказать охранять станционные двери. Ответственность за все эти меры я беру на себя; а что касается моего бедного друга Фортена, то не пройдет и трех суток, как вы первый заявите о его невиновности. До завтра! В девять часов я буду в Версале.

– Но, Редон, вы с ума сошли!

– Сделайте то, что я вам сказал, и будете благодарить меня на коленях... Слышите ли: на коленях. Прощайте! Я собираюсь заявить во всех журналах о юридической ошибке, но спасая в вас лицо, как говорят китайцы.

После этого Редон возвратился к себе, наскоро почистил костюм и с аппетитом пообедал.

Вечером он побывал в нескольких редакциях и к часу вернулся на улицу Рошфуко, где занимал домик, расположенный в саду. Отослав кучера, он позвонил, вошел, произнес свое имя перед сторожкой и направился к своему жилищу.

Недалеко от последнего на него набросился какой-то человек. Блеснула сталь – и лезвие кинжала с поразительной быстротою погрузилось в тело Редона. Он почувствовал сильную боль в груди, потом ледяной холод. Кричать он уже не мог, хотя в мозгу его еще успела промелькнуть мысль:

– Бедный Леон! Кто за тебя заступится?

Глава V

Брат и сестра у родителей обвиняемого. – Мадемуазель Марта. – Удивление жителей. – Следователь и помощник его. – Известие об убийстве Поля Редона. – Что заключалось в таинственной корзине.

В наше время добрая половина населения имеет обыкновение следить по газетам за уголовными процессами. Для многих такое чтение стало необходимостью; они с жадностью поглощают ужасные подробности всевозможных преступлений. Это взвинчивает нервы и дает возможность пофантазировать.

Понятно, что особенно заинтересованы были обитатели Мезон-Лафита, в пределах которого было совершено преступление, обещавшее им так много таинственно-заманчивого. Много лет уже не происходило ничего подобного. Само собою разумеется, что захватывающей деталью для любителей драм была прежде всего красная звезда, вырезанная на левом виске жертвы. О, эта красная звезда! Потом записная книжка, найденная в ногах кровати и принадлежащая Леону Фортену, местному уроженцу, пользовавшемуся до сих пор всеобщим уважением. Затем – самоубийство Грандье, подвергавшегося в течение целой недели шантажу и страшным угрозам с помощью писем со звездой кровавого цвета вместо печати. Опять эта таинственная и ужасная звезда!

Наконец, предположение судей, странности Поля Редона, исчезновение полицейского агента, найденного затем на лесной дороге без чувств и отправленного в Сен-Жерменский госпиталь. А отчаяние родителей Фортена, на голову которых внезапно обрушился столь жестокий удар, и переход их к столь же неожиданно явившемуся призраку надежды?!

Большинство было против Леона Фортена, но раздавались уже голоса и в его защиту.

Погребение Лефевра-Мартина и Грандье происходило в один день и час в присутствии всего населения. У первого не было родных, за гробом шла одна ключница. А останки второго сопровождали его сын и дочь, оставшиеся сиротами и без всяких средств к жизни. Сын, едва достигший шестнадцатилетнего возраста, воспитывался в Парижском лицее и теперь шел за гробом с измученным лицом, задыхаясь от рыданий. Дочь была на два года старше, она машинально двигалась вслед за процессией, вся закутанная крепом, и все еще не могла поверить, что ее обожаемый отец и человеческий остов, лежавший на ковре с простреленным черепом, – одно и то же.

По окончании печальной церемонии, когда все посторонние разошлись, сироты также покинули могилу. Молодая девушка сказала несколько слов брату, с которыми он кивком головы выразил согласие, потом взяла его под руку, и они направились более уверенным шагом не на виллу Кармен, а в город и, к удивлению всех, вошли в дом Леона Фортена.

Разбитые стыдом и горем старики безмолвно ответили на их поклон.

Девушка медленным движением руки подняла свою вуаль и сказала:

– Я – Марта Грандье, а это – мой брат Жан!

Старый Фортен-отец не нашелся, что ответить на такое представление, но жена его, тронутая неподдельной симпатией, сквозившей в больших черных глазах гостьи, взволнованным голосом произнесла:

– Мадемуазель Грандье!.. Вы!.. Вы – здесь!..

– Ваш сын Леон... мосье Леон... обвинен в ужасном преступлении... но он невинен... я знаю... я уверена... и вот, когда все проклинают его и презрительно смотрят на вас, я пришла сюда... с разбитым сердцем... но с надеждою, что мы спасем его!

При этих словах, шедших из глубины души, у старушки вырвалось порывистое, радостное движение и дикий вопль:

– Невинен!.. О да, невинен!

Она бросилась к молодой девушке, крепко, до боли сжала ее в объятиях и, потеряв голову, в экстазе воскликнула:

– О, я готова жизнь отдать за только что произнесенное вами слово! Возьмите мою кровь, каплю за каплей, мое тело, часть за частью, мое последнее старческое дыхание... все... Вы, считающая моего сына, моего Леона, невинным! Вы его знаете, не правда ли?

– Меньше, чем вы думаете! – отвечала мадемуазель Грандье, милое личико которой на минуту озарилось улыбкой. Она замолчала на несколько секунд, покраснела и продолжала с достоинством:

– Каждый день и с давних пор... он клал на стенку решетки маленький букет из простых лесных цветочков. Эти цветы предназначались мне. Я принимала, потому что их предлагали скромно и почтительно. Но мы ни разу не обменялись ни словом, и я не знала его имени до тех пор, пока он не пришел к отцу по делу. Теперь на нас обрушилось несчастье... отец завещал нам отомстить за себя.

– И мы отомстим! – энергично вмешался молодой человек.

– Наше мщение и оправдание вашего сына тесно связаны одно с другим, – продолжала мадемуазель Грандье, – и, следовательно, они будут единственной целью нашей жизни! Не так ли, Жан?

– Да, Марта!

Такая решимость этих детей, еще совершенно не ведающих жизни, не имеющих поддержки ни дружеской, ни материальной, была поистине трогательна. Впрочем, какова бы ни была их слабость, они все-таки обладали тою верою в себя, которая сдвигает с места горы и совершает невозможное.

Вид этих добрых молодых людей вызывал в стариках Фортенах добрые чувства и зажигал в их сердцах луч надежды.

Выше среднего роста, скорее высокая, Марта Грандье не походила на тех искусственных кукол, какими характеризуется конец нашего века. Грациозный, но крепкий стан ее свидетельствовал о здоровье. Ее густые, волнистые, белокурые волосы составляли очаровательный контраст с большими черными, вспыхивающими по временам глазами. Изящный носик с трепещущими ноздрями указывал на пылкость характера, смягчаемую постоянно улыбающимися губами и резко очерченным подбородком, обнаруживавшим вдумчивость и склонность к размышлениям. В общем, это было странное, но пленительное лицо, в котором такие различные, по-видимому, черты прекрасно соединялись и служили лучшим выражением душевных качеств Марты Грандье: ее кротости, энергии, нежности, решительности.

Брат был похож на нее несмотря на свои темные волосы и голубые глаза.

Они охотно воспользовались приглашением супругов Фортен присесть, тем более, что на вилле Кармен их ждало одиночество и горькие воспоминания об исчезнувшем благополучии. Предстояло заняться делами: определить оставшиеся средства, отпустить слуг и установить порядок жизни. Видя неопытность, молодой девушки, госпожа Фортен предложила ей свои услуги.

– В хозяйстве встретится много затруднений и мелочей, о которых вы не имеете понятия! – произнесла она.

– Да, правда! – отвечала Марта.

– Я буду рада оказать вам свое содействие. О, не говорите «нет!». Не отнимайте у меня удовольствия услужить вам. Вы согласны, не правда ли?

– Соглашаюсь с радостью, с благодарностью!

– Так едем. Чем скорее, тем лучше.

Все трое покинули старика Фортена.

Судите сами, какое волнение произвело это посещение в Мезон-Лафите! Обитатели его не верили собственным глазам. Но волнение перешло в настоящий столбняк, когда малень-

кая группа достигла виллы Кармен. Там в это время находились мировой судья и следователь со своими письмоводителями. Первый прямо обратился к Марте и Жану Грандье и сообщил им, что накануне своей смерти отец объявил их совершеннолетними. Согласно закону, господин Грандье сделал заявление судье в присутствии его письмоводителя¹, – и этого совершенно достаточно, чтобы они получили право обходиться без опеки. Тут следователь, ведущий дело, прервал объяснения своего коллеги и пригласил молодых людей побеседовать с ним в конторе их отца.

– Знаете ли вы, кто эта женщина, прибывшая с вами сюда? – спросил он их.

– Да, это госпожа Фортен! – сухо отвечала молодая девушка, оскорбленная его грубостью.

– Мать бандита!

– Нет, милостивый государь! – гордо возразила Марта.

– Да, мать негодяя, подло убившего старика на улице Св. Николая, и морального убийцы вашего отца!

– Нет же, говорю вам! И если вам угодно так продолжать, мы с братом предпочтем удалиться!

Немного сконфуженный, следователь быстро сорвал печать с ящика стола, вынул оттуда пачку писем и положил их на бюро; затем, вынув из кармана другие письма, вместе с записной книжкой Леона Фортена, сказал:

– Вот, смотрите!

Марта с братом наклонились и стали читать.

– Теперь сравните почерк этих писем и записок!

– Можно подумать, что их писала одна и та же рука! – вскричал Жан.

– Действительно, сходство поразительное! – подтвердила Марта, не понимая, к чему все это клонится.

– Эта книжка и письма, бедные дети, принадлежат обвиняемому, то есть Леону Фортену. Что же касается других писем, взятых нами, то они написаны убийцей вашему отцу... они и довели его до самоубийства! Вы сами подтвердили тождество почерка тех и других. Ну, что вы скажете на это?

– Что эти письма подделка, что у Леона Фортена выкрали его почерк, чтобы шантажировать нашего бедного отца, как похитили у него записную книжку с целью свалить на него вину за убийство на улице Св. Николая!

– Эксперты решат...

– О, эксперты! – с презрением произнесла молодая девушка. – Известно, чего стоит их непогрешимость!

– Наконец, – сказал следователь, выдвигая свои последние аргументы, – я считал своею обязанностью предостеречь вас, как рискованно такое знакомство, по меньшей мере, подозрительно!

– Но, милостивый государь, у меня не таков взгляд на вещи, как у господ судей! Я буду посещать, кого хочу, так как жестокие обстоятельства – увы! – освободили меня от всяких стеснений, от всякой власти!

Однако следователь не перестал считать подсудимого виновным: ему не хотелось отрешиться от своего первоначального мнения, которое казалось ему солидно обоснованным.

Действительно, все, казалось, было против Леона Фортена: его визит к Грандье с просьбой ссудить ему роковую сумму в пятьдесят тысяч франков, его проекты относительно Клондайка, ужасающее сходство почерков, окровавленная книжка, найденная на улице Св. Николая, такие же одежды, спрятанные в квартире обвиняемого. В его пользу говорили только

---

¹ 477 параграф Свода гражданских законов

догадки, его незапятнанная до тех пор честность и негодующий протест; он не мог даже доказать своего алиби. Следователю не были еще известны открытия Поля Редона.

Когда товарищ прокурора передал ему телефонное сообщение репортера об англичанине Френсисе Бернетте, тот только пожал плечами.

– Напрасно вы верите вымыслам журналиста! – небрежно проговорил он.

Однако товарищ прокурора упорствовал, превозносил ловкость своего друга и выражал собственные колебания. Следователь возразил на это.

– Кто устраивает свою судебную карьеру, тот должен понимать, что это дело серьезное, и не обращать внимания на разные истории, родившиеся в досужих головах водевильных писак.

– Прикажете по крайней мере задержать корзину в кладовой Западной дороги!

– Хорошо, я доставлю вам это удовольствие и докажу, кстати, что ваш друг комедиант.

Впрочем, вы говорили, что мы завтра утром увидимся?

– Да, он назначил мне свидание в суде, в девять часов!

Читателю уже известно, какой трагический случай помешал репортеру прибыть на это свидание. Целый день прошел в напрасном ожидании, так что следователь начал шумно выражать свое торжество по случаю этого необъяснимого отсутствия. На другой день он должен был возвратиться в Мезон-Лафит для производства дополнительного следствия и снятия печатей как на вилле Кармен, так и на улице Св. Николая.

Он просил товарища прокурора сопровождать его и всю дорогу изводил его шуточками по поводу излишней доверчивости. Сходя с поезда, товарищ прокурора купил несколько газет, развернул одну из них, вскрикнул и побледнел. Взгляд его привлекли следующие строки, напечатанные крупным шрифтом:

«Покушение на убийство журналиста Поля Редона, смертельно раненного».

– Вот, читайте! – сказал он следователю. – Да читайте же!

Тот пробежал глазами сообщение и прибавил:

– Очень жаль, но это никоим образом не может находиться в связи с преступлением в Мезон-Лафите!

– Почему вы так думаете?

– Вы, должно быть, изучали работу полиции по романам Габорио²! В действительности же дела делаются намного проще!

– Хорошо, я вам пока не нужен? Так я еду в Париж и возвращусь сюда к завтраку!

– Чудесно! Вы будете очень любезны, если пришлете мне знаменитую корзину, которую я велел задержать по вашему желанию!

– Я привезу ее сам!

За время отсутствия товарища прокурора на вилле Кармен и происходила беседа между следователем и Мартой Грандье, беседа, окончившаяся негодованием молодой девушки.

Только в два часа товарищ прокурора вернулся. Казалось, он был очень озабочен. Оба судьи находились в мэрии, куда только что доставили корзину.

Жандарм привел слесаря, и началась трудная операция отмыкания запора.

– Ну, что Редон? – отрывисто спросил следователь.

– Он в агонии, состояние его совершенно безнадежно, и полицейский комиссар говорил, что одно время он ничего не видел, не слышал и не чувствовал. Вероятно, он не проживет и дня!

– А его розыски?

– Ничего неизвестно... ни малейших следов!

---

² Габорио (1832–1873) – французский писатель, один из родоначальников детективного жанра. Писал романы с уголовными сюжетами.

После долгих усилий слесарь отпер корзину. Скептически, с насмешливой улыбкой на губах следователь поднял крышку и закричал:

– Вот так странная вещь!

Действительно, было чему удивляться: в корзине аккуратно уложены были принадлежности полного костюма лесного сторожа из зеленого сукна с желтой опушкой и суконная ливрея каштанового цвета. Обе одежды казались совершенно новыми, не надеванными ни разу.

Глава VI

Беда. – Предчувствие. – Доктор. – Раненый. – Трепанация. – Лассо. – Мнимый сторож. – Начало доказательств. – Возвращение. – Кража. – Угрозы. – Письмо. – «Красная звезда».

По снятии печатей Марта и ее брат могли довольно точно определить свое материальное положение. Перебирая бумаги и записные книги отца, они узнали также все обстоятельства, побудившие его к самоубийству. С точки зрения покойного финансиста, материальное положение было, действительно, жалким, так как после уплаты долгов и расчетов со слугами, при условии продажи дома и мебели, могло остаться только несколько тысячефранковых билетов. Это было настоящее разорение, сулившее нищету в будущем. Впрочем, молодые люди храбро взглянули в глаза этому будущему, решив неустанно трудиться.

Ликвидация дел должна была занять какое-то время, и они сочли за лучшее использовать его на поиски того, кто сделал их сиротами, и выполнить таким образом последнюю волю покойного.

Марте было известно, что отец до последнего времени имел дела с парижской полицией, агенты которой не показывались с момента трагедии; это становилось подозрительным. Не попали ли они также в число жертв какой-нибудь махинации? Наконец, она вспомнила, что накануне убийства в лесу был подобран человек и отправлен в госпиталь.

– Что, если этот несчастный – один из агентов, помогавших отцу? – спросила она брата.

– Возможно! – отвечал тот.

Тогда молодая девушка порывисто встала и произнесла:

– Что-то непреодолимое влечет меня... Какое-то предчувствие, которому я должна повиноваться. Жак, дорогой мой мальчик, я еду в Сен-Жермен!

– А я должен тебя сопровождать?

– Нет, ты останешься здесь! Ни слова не говори о моем путешествии никому! Ни госпоже Фортен, ни следователю, ни кому бы то ни было другому!

В течение получасового путешествия в Сен-Жермен Марта наметила себе простой, но оригинальный план действий.

По прибытии на место она направилась прямо в госпиталь. Молодая девушка хорошо знала, что нельзя иметь свидания с раненым, не назвав даже его имени; да и вообще в больницах существуют свои правила, нарушать которые, не заручившись протекцией, нельзя. Поэтому она спросила у швейцара адрес главного врача и, к счастью, застала его дома.

После продолжительных переговоров главный врач наконец решился допустить ее к больному, предупредив девушку, что больному пришлось выдержать серьезную операцию.

– Теперь я вам скажу все, – произнесла девушка, – свое имя, происхождение, события...

– Не надо, дитя мое! Храните свой секрет – он принадлежит вам одной, а мне необходимо знать его только постольку, чтобы иметь возможность помочь вам!

Десять минут спустя доктор провел молодую девушку в госпиталь, где в маленькой комнатке лежал раненый, а по дороге вкратце познакомил Марту с ужасной раной полицейского агента, что повлекло за собой трепанацию.

Удар был нанесен немного повыше уха каким-то тяжелым орудием, кастетом или молотком.

Погруженный в глубокий обморок, раненый едва перенес операцию трепанации, единственную, способную его спасти.

Доктор тихо удалился, оставив молодую девушку наедине с раненым.

Марта подошла к больному, голова которого, вся покрытая бинтами, покоилась на подушке, и дотронулась до его горячей руки, но не решалась заговорить.

Агент видел это колебание и, понимая, что только очень серьезная причина могла привести в госпиталь эту молодую особу в глубоком трауре, сказал ясным, но тихим, как дыхание, голосом:

– Что вам угодно, сударыня?

– Я – Марта Грандье!..

– А!.. Его дочь... в трауре... и одна... Боже мой!.. Что случилось?

– Отец умер! В Мезон-Лафите совершено убийство... вы сами сделали жертвою преступления. И в этом обвиняют невинного!.. Сжальтесь и скажите, что знаете. Кто вас ударил?.. чем?.. при каких обстоятельствах?.. постарайтесь вспомнить... о, умоляю вас!

Больной отвечал своим слабым голосом:

– Все, что я могу сообщить, сводится к весьма немногому. Я на коне преследовал человека в каштановой ливрее, которому ваш отец вручил письмо. Этот человек только-только вскочил на лошадь, которую держал за повод лесной сторож.

– Вы не помните, как он выглядел?..

– Он, кажется, был высок... силен... блондин... и очень напоминал слугу из хорошего дома... Он скакал... подпускал меня к себе... потом опять скакал вперед, как будто хотел завлечь меня в западню... Я это заметил слишком поздно... Такое ожесточенное преследование продолжалось с четверть часа, и хотя я не знаю этот лес... но, кажется, мы вертелись... в довольно ограниченном пространстве... в пустынном месте... где нельзя было встретить ни души... я припоминаю это место, где проезжал уже... несколько сучковатых дубов... решетка с запирающейся дверцей... я один... безоружен... официального приказа не имею...

Положение показалось мне серьезным... и я все больше думал: не в западню ли хотят меня поймать? Еще несколько прыжков, и я... перед дверью решетки, широко открытой... Человек, которого я преследую, оборачивается в седле... смеется и издает свист... Он мчится, как стрела... между стволами дубов... Что-то задевает мои уши, обвивается вокруг головы... я в петле... лассо выхватило меня из седла и сбросило на землю с неслыханной силой... Оглушенный этим падением, я, однако, пытался бороться, кричать, защищаться, но не успел. Человек, одетый в костюм лесного сторожа... прыгнул из-за дуба... это он держал за повод лошадь... другого... о!.. я узнал бы его через пятьдесят лет... коренастый, осторожный, с длинной темно-русою бородой. Все это произошло с быстротою молнии! Он нанес мне страшный удар по голове каким-то инструментом... Казалось, что голова моя раздроблена... что я умираю!..

Марта, дрожащая и заплаканная., слушала этот прерывистый рассказ.

– Довольно, пожалуйста, довольно! – сказала она, пожимая руки утомленного больного. – Благодарю!.. О, благодарю от всего сердца! Вы спасаете от отчаяния бедных неутешных стариков, возвращаете свободу, жизнь и честь невинному. Теперь я могу все рассказать вам, если вам не вредно!

– Говорите, это успокоит меня. Я должен знать подробности этого ужасного и загадочного дела, на то я и полицейский агент. Но позвольте мне сделать сначала небольшое замечание... человек, набросивший на меня лассо, сделал это с поразительной ловкостью, на какую способны только южные американцы, гаучо или мексиканцы. Он иностранец...

Марта облегченно вздохнула: часть обвинения против Леона Фортена исчезла.

Он ни причем, как при краже, так и при убийстве в лесу. Раненый – живое доказательство его невинности. Мы докажем также, что не он виновник преступления на улице Св. Николая!

Потом молодая девушка рассказала все, что узнала об аресте Фортена и ходе судебного разбирательства.

Жерве, которого мало-помалу охватывала усталость, находил всю историю страшно запутанной и жалел, что пока не в состоянии помочь, но обещал, как только поправится, приложить все свои силы, чтобы распутать дело.

Девушка поблагодарила его от всего сердца и обещала в скором времени опять навестить, затем вырвала листок бумаги из книжки, в которую заносились заметки о ходе болезни, и написала на нем следующие строки:

*«Я, нижеподписавшийся, удостоверяю, что человек, покушавшийся на меня в Сен-Жерменском лесу, был одет в костюм лесного сторожа, на вид ему около сорока лет, коренастый, сильный, среднего роста.
Сен-Жерменский госпиталь.
28 апреля 1898 года».*

Она прочла вслух, и спросила раненого, согласен ли он под этим подписаться.

– С большим удовольствием! – ответил тот, подписав внизу листка свое имя.

– Еще раз благодарю, и до скорого свидания! – сказала сияющая девушка, покидая агента.

Она вкратце передала результаты свидания ожидавшему ее доктору и отправилась на станцию, чтобы вернуться в Мезон-Лафит. Идя быстро, обрадованная своею удачею и возможностью утешить родителей Леона, молодая девушка и не заметила, что за нею следуют какие-то два господина. На станции, купив билет и удостоверившись в целостности записки агента, она положила портмоне обратно в карман и туда же сунула носовой платок.

Вскоре один из двух следовавших за ней людей оступился на лестнице и упал на колени. К нему сейчас же подбежали, чтобы оказать помощь. Причиной падения оказалась апельсиновая корка; произошла суматоха, и Марта, внесенная людской волной, вошла в вагон.

Приехав в Мезон-Лафит, она вышла, опустила руку в карман и хотела вынуть портмоне, где, кроме свидетельства Жерве, лежал ее дорожный билет. Дрожь пробежала по ее телу, и из груди невольно вырвался крик – обокрали!

Случай этот сам по себе был не важен, по крайней мере с точки зрения администрации, так как кражи кошельков на железных дорогах не редкость. Важно было знать, кто совершил похищение, – простой карманный воришка или один из бандитов, стремившихся погубить Фортена? Конечно, раненый агент мог дать вторичные показания, письменные или устные, в присутствии свидетелей, но ведь он был опасно болен!..

Марта рассказала все брату, но только ему одному, затем решила на другой день поехать опять в госпиталь, но прежде дождаться почтальона. Последний принес ей одно из тех ужасных писем, которые погубили ее несчастного отца.

Вот оно:

«Фортен виновен! Не будучи в состоянии спасти его, соучастники, товарищи „Красной звезды“, покидают его. Свидание с раненым из Сен-Жермена бесполезно. Новая попытка стоила бы ему жизни. Берегитесь сами. Вам запрещается, под страхом смерти, хлопотать в пользу того, кто должен искупить свою ошибку. При убийстве не оставляют доказательств».

Как и письма, адресованные Грандье, это послание было запечатано красной звездой.

Глава VII

Маленький старикашка с улицы Ла-Рошфуко. – Молодой человек. – Париж-Кале, Дувр, Лондон. – Товарищи «Красной звезды». – Тоби номер 2-й. – По телефону. – Доказательства невиновности.

Прошла неделя. К Редону допускали только доктора, его друга, на которого можно было вполне положиться. О состоянии здоровья репортера общество ничего не знало, в журналах не было ни бюллетеней, ни сообщений. Известно было только, что он вопреки ожиданию еще жив, но что жизнь его висит на волоске.

Непроницаемая таинственность окружала некогда веселый павильон, всегда оживавший от шумного и частого посещения друзей и знакомых репортера. На девятый день, в восемь часов утра, из павильона вышел маленький старичок в очках, с седой бородой, закутанный в темный широкий плащ. Очевидно, он вошел к больному рано утром, когда никто не мог его видеть. У него, вероятно, были для этого важные мотивы. Впрочем, дом был обширен, так что носильщики, слуги, жильцы постоянно сновали взад и вперед, и старик мог пройти совершенно незамеченным. Он бодрым еще шагом дошел по улице Ла-Рошфуко до улицы св. Лазаря и очутился на Троицкой площади. Здесь он остановился, выбрал одну из карет, двигавшихся по Антенскому шоссе, и сделал кучеру знак остановиться. Но прежде чем сесть в карету, старик довольно долго вел переговоры с кучером, который сначала казался удивленным, а потом выразил свое согласие и даже улыбнулся, получив золотую монету... Седок устроился в карете, и она докатилась крупной рысью по Антенскому шоссе, завернула на улицу Лафайета и дальше с быстротою поезда домчалась до улицы Тревиз.

Там скопление экипажей на какой-то момент задержало ее; дверца открылась, и старичок вылез. После этого кучер сейчас же, не поворачивая головы, уехал.

Но со стариком с почти белой бородой и расслабленной походкой произошло чудесное превращение.

Теперь это был молодой человек с бледным лицом и отважным видом. Одет он был в клетчатый костюм с узким воротником, заколотым булавкой в виде подковы, и очень походил манерой держаться на жокея. На вид ему можно было дать двадцать два – двадцать три года. Быстрым взглядом он окинул шоссе, увидел свою карету и быстро двинулся к станции Монтолон. Здесь он выбрал кучера, заплатил ему, открыл дверцу кареты, проскользнул через внутренность последней, вышел через вторую дверцу и спокойно пошел за вереницей экипажей в то время, как кучер мчался вперед.

Наконец, эта странная личность, нуждавшаяся в таких предосторожностях, села в третью карету, сказав кучеру – на Северный вокзал.

Спустя несколько минут неизвестный входил на вокзал. Взяв билет первого класса до Шантлиль, он занял место в купе, где осталось еще свободное место, забрался в угол и казался заснувшим, между тем как проницательный взгляд его внимательно следил за всем.

В Шантлиль трое пассажиров сошли, но наш молодой человек продолжал спать. В Лонжо сошли еще трое пассажиров, а он, добавив контролеру двадцать шесть франков сорок пять сантимов, продолжал путь в Кале, где, по-видимому, намеревался выйти. В Кале-приморском очутился он в двенадцать часов пятьдесят минут. У пристани уже разводил пары пакетбот, выбрасывавший густые клубы черного дыма.

Наш молодой человек, не колеблясь, взшел на судно. Прошло пять минут, раздались свистки, и «Вперед» тронулся в Англию. Несколько оборотов винта, немножко боковой и килевой качки – и переезд совершен.

Ровно через восемьдесят минут судно вошло в Дуврскую гавань.

Поезд готовился отойти в Лондон.

Таинственный незнакомец, проехавший по суше и по морю без всякого багажа, съел два сэндвича, выпил стакан вина и вскочил на лондонский поезд. Через час 45 минут поезд остановился на станции Чаринг-Кросс.

Было четыре часа. Незнакомец взял кэб, дал кучеру адрес и помчался по улицам Лондона, как только что мчался по улицам Парижа.

Кэб остановился перед старым домом на Боу-стрит и путешественник смелым шагом перешел одну аллею, пересек двор, вышел по другой аллее, поднялся на второй этаж, три раза постучал в дверь, вошел и, увидев служителя, спросил, принимает ли мистер Мельвиль.

Служитель встал, открыл дверь и привычным жестом пригласил посетителя войти. Тот вошел и увидел высокого, плотного господина, со сложением геркулеса, с умным и симпатичным лицом, на котором блестели два серых глаза. Это был знаменитый Мельвиль, один из самых опытных сыщиков английской полиции. Несколько выдающихся процессов принесли ему известность и уважение во Франции. Обладая удивительной памятью, он знал всех мошенников Лондона, на которых наводил настоящий ужас.

Два раза пытались его убить, но колоссальная сила и ловкость во всех движениях предохраняли его от смерти. О его смелости и хладнокровии рассказывали вещи, бросавшие в дрожь любителей раздирающих душу драм и ужасных охот, в которых дичь – бандиты, а охотник – сыщик.

Начальник поднялся навстречу вновь пришедшему, молча протянул ему руку и крепко, по-английски, пожал ее, так что тот не мог удержаться от легкого вскрика.

– Больно? – спросил он чистым французским языком, без всякого акцента.

– Легче!.. Ну и рука же у вас, мой дорогой Мельвиль!

– Вы устали?

– Не так, чтобы слишком, но достаточно!

– Поспите два часа на моем диване!

– Когда мы будем беседовать?

– Вы голодны?

– Как волк!

– Сейчас поедем... ленч особенный... Я вас ждал и позаботился обо всем!

– Дорогой Мельвиль! Вы – замечательный друг!

– Равно как и вы!

– Но знаете ли, что вы – настоящая ищейка, как говорится у вас!

– Ба! Маленькая работа любителя!

– Наконец, ваши слова особенно льстят мне, и я чувствую себя счастливым, имея возможность брать уроки у такого учителя!

– Вы прекрасно пользуетесь ими!

– Получили вы мое письмо?

– Третьего дня!

– Как вы думаете, удалось вам вернуться незамеченным?

– Думаю, что да, так как я постарался запутать свой след!

Хозяин встал с места, свистнул в слуховую трубу, отдал через нее несколько приказаний и, снова садясь на место, прибавил;

– Дом охраняется. Теперь будем говорить за столом, который уже накрыт.

Незнакомец сел за стол, сделал несколько больших глотков вина и без обиняков сказал:

– Известен вам некий Френсис Бернетт, лет...

– Сорока!

– ... Сильный, коренастый... с длинной бородой... одевается у...

– Баррова, портного на Оксфорд-стрит.

– Именно! Но вам цены нет, Мельвиль. Откуда вы это знаете?

– Это пустяки, мой друг!

– Поразительно!

– Вы в таком доме, где ничему не удивляются.

– Итак, вы знаете Френсиса Бернетта?

– Да, еще бы! Это один из самых ужасных бандитов в Англии. Злодей, всегда ускользавший из моих рук. Я уже месяц не имел о нем известий. Правда, по моей милости, пребывание его в Англии сделалось довольно опасным.

– В течение этого месяца он жил во Франции. Дело в Мезон-Лафите...

– Я не сомневался в этом, читая о преступлении в ваших журналах... Красная звезда – его эмблема или, лучше, эмблема ассоциации...

– А! Так это шайка?

– ... Называемая шайкой двух тысяч...

– Их две тысячи?..

– Нет, название произошло от того, что они не берутся за дело, обещающее меньше двух тысяч фунтов стерлингов³. Еще их называют, то есть они сами себя называют, «рыцари Красной звезды».

– О, как напыщенно, словно заглавие бульварного романа! А хорошо организованы эти «рыцари»?

– Ужасно! – отвечал сыщик более серьезным тоном. – Это сборище самых ужасных отбросов, это люди чрезвычайно ловкие. Там встречаются инженеры, химики, врачи, клоуны, механики, ученые, отвергнутые обществом, объявившие ему ожесточенную войну, бандиты второго сорта, отборные молодцы, исполняющие всю черную работу. Им здорово достается от нас. К несчастью, главари ускользнули, некоторые из них переправились через пролив и работают на материке!

– Да, это интересно, похоже на самый остросюжетный роман!

– Да, – подтвердил английский сыщик, – летописи полиции и поставляют, главным образом, материал для подобных романов! Вы любитель и охотно познакомитесь с ними!

– Но я должен записать то, что вы мне расскажете!

– Не беспокойтесь! Я уже приказал одному из своих людей переписать для вас часть дел о «Красной звезде»! Вам останется только перевести ее, а это не составит для вас труда, так как вы владеете английским языком как своим!

– Вы удивительный человек... успеваете подумать обо всем!

– О, немного порядка в мыслях и поступках – это сущие пустяки! К тому же я рад сделать приятное такому джентльмену как вы, которого я глубоко уважаю!

– Вы знаете, Мельвиль, что высокое уважение и живая симпатия взаимны!

– Да, знаю и очень счастлив! – сказал англичанин, снова пожимая руку своего таинственного собеседника. – Но возвратимся к нашим баранам, напоминающим настоящих тигров. Находя, что действовать в метрополии трудно и опасно, один из них решил овладеть Клондайком, громадной сокровищницей золота...

– Ага!.. Вот о чем извещал Френсис Бернетт в письме, запечатанном красной звездой!

– Вот видите!

– Так он для этой цели хотел иметь пятьдесят тысяч франков...

– Да, две тысячи фунтов стерлингов – минимальная цель этих негодяев. На всякий случай я послал двух моих агентов следить за ними и получаю время от времени донесения из Франции. До сих пор они смогли сделать немного, так как не имели руководящей нити. Однако я рассчитываю на них.

В эту минуту зазвонил телефон.

---

³ Пятьдесят тысяч франков (прим. авт.).

- Вы, патрон?
- А вы кто?
- Ваш агент, Тоби номер 2-й.
- Где вы?
- В Париже!
- Что имеете сообщить мне?
- Важные сведения об убийстве французского журналиста мистера Поля Редона!
- Очень хорошо, Тоби!

Потом, обращаясь к своему таинственному компаньону, он прибавил:

- Это очень интересно... Возьмите один из приемников и слушайте!

Голос Тоби номер 2-й продолжал:

- Мистер Поль Редон был убит Бобом Вильсоном, хорошо вам известным.
- Да, ловкая рука, можно сказать, у этого проклятого Френсиса Бернетта.
- Мистер Поль Редон, извещая по телефону Версальский суд о своих успехах, говорил

слишком громко, так что слышно было по соседству. Там были Боб Вильсон или Френсис Бернетт. Эти бандиты, найдя, что мистер Редон знал слишком много, решили немедленно уничтожить его, что и сделали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.